

Маргарет Олифант

Портрет

*Часть сборника
Харчевня двух ведьм. Лучшие
мистические истории (сборник)*

Маргарет Олифант

Портрет

«ЭКСМО»

1885

УДК 82-822
ББК 84(0)я43

Олифант М.

Портрет / М. Олифант — «Эксмо», 1885

«...Как-то раз, когда я пожелал увидеть отца, Морфью сообщил мне, что хозяин чрезвычайно занят. Я, признаться, выслушал его ответ с неудовольствием. — Сдается мне, отец нынче занят постоянно, — сгоряча обронил я. На что Морфью с многозначительностью оракула несколько раз кивнул: — Даже слишком занят, сэр, если мне позволено высказать свое мнение. Я был так изумлен, что не удержался от вопроса...»

УДК 82-822
ББК 84(0)я43

© Олифант М., 1885
© Эксмо, 1885

Маргарет Олифант (1828–1897)

Портрет

В то время, когда случились описанные здесь события, я жил с отцом в нашей усадьбе под названием «Дубрава». Там, в большом старинном доме в предместье провинциального городка, отец поселился на многие годы, и кажется, там я появился на свет. Дом из красного кирпича, отделанный белым камнем, представлял собой типичный образчик архитектуры времен королевы Анны – нынче так уж не строят. Планировка у него самая несуразная, со множеством пристроек и флигелей, широких коридоров и не менее широких лестниц, с просторными площадками на каждом этаже и большими комнатами при невысоких потолках, – словом, никакой рачительной экономии места: дом со всей очевидностью принадлежал отошедшим в прошлое временам, когда земля стоила дешево и ограничивать себя в масштабах не было нужды. Учитывая близость города, окружавшая дом роща могла сойти за лес, особенно весной: тогда под деревьями, куда ни глянь, расстился ковер первоцветов. У нас были еще поля для выпаса коров и превосходный сад за каменной оградой. Сейчас, когда я пишу эти строки, наш старый дом сносят до основания, освобождая место для новых городских улиц с крохотными, тесно стоящими домиками, которые, вероятно, здесь уместнее, нежели унылая громада господской усадьбы, памятник захудалому дворянскому роду. Дом и правда был унылый, и мы, последние его обитатели, оказались ему под стать. На всей обстановке лежала печать времени и, пожалуй, ветхости – в общем, похвалиться особенно нечем. Я, впрочем, не хотел бы создать у читателя превратное впечатление, будто наши семейные дела пришли в упадок, отнюдь нет. Откровенно говоря, отец мой был богат, и, пожелай он придать блеск своей жизни и дому, ему вполне хватило бы средств; только он не желал, а я наведывался слишком ненадолго и не мог сколько-нибудь заметно повлиять на вид и состояние фамильного гнезда. Другого дома у меня никогда не было, и все же, не считая младенческих лет и, позже, школьных каникул, я почти в нем не жил. Матушка моя умерла при моем рождении или вскоре после него, и я рос в сумрачной тишине жилища, не согретого женским присутствием. В моем детстве, как я знаю, с нами жила еще сестра отца – тогда и дом, и я были вверены ее заботам; но она тоже давным-давно умерла, и скорбь по ней – одно из самых первых моих воспоминаний. Когда ее не стало, никто не пришел ей на смену. В доме были, разумеется, экономка и девушки-горничные, но последних я почти не видел, разве только женская фигура мелькнет и скроется за углом где-то в конце коридора или тотчас скользнет за дверь, стоит «джентльменам» войти в комнату. Что до экономки, миссис Вир, ее я встречал чуть ли не каждый божий день, но что сказать о ней? Книксен, улыбка да пара гладких полных рук, которые, слегка потирая одна другую, лежали на широком животе поверх большого белого передника. Вот, собственно, и все мои впечатления, вот и все женское влияние в доме. О нашей общей гостиной мне было известно только, что там царит мертвенно-идеальный порядок, никем никогда не нарушаемый. Три высоких окна гостиной смотрели на лужайку, а стена против двери полукружьем вдавалась в оранжерею наподобие большого эркера. В детстве я подходил снаружи к окну и подолгу разглядывал обстановку: вышитый узор на креслах, ширмы и зеркала, в которых не отражалось ни одно живое лицо. Мой отец не любил эту комнату, оно и понятно, но в те далекие дни мне и в голову не приходило спросить почему.

Добавлю здесь, рискуя разочаровать тех, кто лелеет сентиментальные иллюзии о необычайной одаренности детей, что мне в моем нежном возрасте не приходило в голову расспрашивать и про матушку. В моей жизни, какой она мне в ту пору представлялась, для подобного существа просто не было места; ничто не наводило меня на мысль о том, что она всенепременно должна была присутствовать в прошлом или что в нашем домашнем укладе

ощущается ее отсутствие. Я безо всяких вопросов и рассуждений принимал, как, полагаю, обычно принимают дети, непреложную данность бытия в том виде, в каком она мне открылась. В некотором роде я сознавал, что в доме у нас довольно уныло, однако не видел в том ничего необычного, даже если сравнивал свои впечатления с тем, о чем читал в книгах или слышал от школьных товарищей. Возможно, я сам по своей природе был унылого нрава. Я всегда любил читать, и возможностей удовлетворять это пристрастие у меня имелось в избытке. Я был в меру честолюбив по части своих успехов в учебе, но и тут не встречал ни малейших препятствий. Когда я поступил в университет, то оказался почти исключительно в мужском окружении. Разумеется, к тому времени и тем более в последующие годы я во многом изменился, однако, признавая женщин неотъемлемой частью общей экономики природы и ни в коем случае не испытывая к ним неприязни или предубеждения, я никак не связывал их с представлениями о собственной домашней жизни. Когда бы мне ни случилось в промежутках между разъездами по миру ступить под холодные, строгие, бесстрастные своды дома, он оставался неизменным – навсегда застывший, упорядоченный, серьезный: еда отменная, комфорт безупречный, вот только старый Морфью, наш дворецкий, становился раз от разу немного старше (совсем немного старше, а в общем, пожалуй, и вовсе не старше, если принять во внимание, что в детстве он казался мне библейским Мафусаилом), а миссис Вир – чуть менее бойкой, и руки у нее были теперь скрыты рукавами, хотя она складывала их на животе и потирала одну другой совершенно как раньше. Иногда я по детской привычке заглядывал снаружи в окна гостиной с ее мертвым, нерушимым порядком, вспоминал с усмешкой свое ребяческое благоговение и думал, что эта комната должна оставаться такой на веки вечные и что наконец войти в нее значило бы лишиться это место занятой таинственности, рассеять нелепые, но милые чары.

Впрочем, как я уже говорил, в отчий дом я наезжал лишь изредка. Во время продолжительных каникул отец часто возил меня за границу, и мы с немалым для обоих удовольствием изъездили чуть ли не всю Европу. Он был стар в сравнении со столь юным сыном – его шестьдесят против моих двадцати, – но это ничуть не омрачало наших теплых и ровных отношений. Я не назвал бы их очень доверительными. У меня самого нашлось бы слишком мало поводов излить душу: я не попадал ни в какие истории и ни в кого не влюблялся, а ведь это два первейших обстоятельства, когда ищут сочувствия или пускаются в откровенность. Да и отца нельзя было заподозрить в желании облегчить душу. Я доподлинно знал, из чего складывается его жизнь и чем он занят едва ли не всякий час дня: при какой погоде он поедет верхом, а при какой пойдет размять ноги, как часто и ради каких именно гостей позволит себе устроить званый ужин и предаться этому «серьезному» развлечению – не столь приятному, сколь обязательному. Все это я знал не хуже его самого, как и взгляды отца на те или иные общественные вопросы или его политические воззрения, которые, естественно, разнились с моими. О чем же нам было откровенничать? В сущности, не о чем. Мы оба от природы были весьма сдержанны и не склонны, к примеру, поверять кому бы то ни было свои религиозные чувства. Считается, что замкнутость в подобных вопросах есть знак особой к ним почтительности. Что до меня, я далеко в этом не уверен, но, как бы то ни было, такая манера поведения наиболее соответствовала складу моего характера.

Когда годы ученичества остались позади, я и вовсе надолго покинул отчий дом, пытаюсь проторить в жизни собственный путь. В этом я не слишком преуспел. Следуя естественному для молодого англичанина жребию, я отправился в североамериканские колонии, а затем в Индию с полудипломатической миссией, но спустя семь или восемь лет вернулся домой по болезни – здоровье мое было расстроено, а дух подорван теми испытаниями и разочарованиями, которыми обернулось первое же серьезное столкновение с жизнью. Просто у меня, как говорится, «не было причины» торить свой путь. Мой отец не давал мне ни малейшего повода усомниться в том, что рано или поздно я унаследую его внушительный

капитал. Содержание он положил мне отнюдь не мизерное, и, не препятствуя моим честолюбивым планам, он вместе с тем ни в коей мере не побуждал меня к чрезмерному усердию. А когда я возвратился домой, он принял меня с превеликой радостью, не скрывая своего удовлетворения таким поворотом событий.

– Разумеется, – сказал он, – я радуюсь не тому, что ты разочарован, Филип, и, уж конечно, не тому, что ты подорвал здоровье. Но знаешь ли, нет худа без добра. Я очень рад, что ты снова дома. Ведь я старею...

– Но я не вижу никаких перемен, сэр, – возразил я. – На мой взгляд, здесь все точно так же, как было, когда я уехал...

Он улыбнулся и покачал головой.

– Хотя и верно говорят, что, когда доживешь до известного возраста, тебе начинает казаться, будто ты все идешь по ровной плоскости и никаких заметных перемен от года к году не происходит, однако это только кажется – плоскость-то наклонная, и чем дольше мы на ней удерживаемся, тем неожиданнее в конце срываемся вниз. Но как бы то ни было, ты здесь, и для меня это большое утешение.

– Кабы я только знал, кабы догадался, что нужен вам, я тотчас вернулся бы домой, вне зависимости от обстоятельств. Нас ведь только двое на свете...

– Да, – согласился он, – на свете нас только двое, и все же я не призвал бы тебя к себе, Фил, не стал бы вынуждать тебя прервать карьеру.

– Ну так тем лучше, что она сама собой прервалась, – сказал я с горечью, ибо нелегко смириться с разочарованием.

Он слегка похлопал меня по плечу и повторил: «Нет худа без добра», и вид у него при этом был такой довольный, что мне и самому стало легче на сердце: в конце концов, кто как не старик-отец – тот единственный в целом мире человек, пред кем я в долгу! Не скажу, чтобы меня никогда не посещали мечты об иных сердечных привязанностях, но мечты мои не сбылись. Ничего трагического, напротив, все очень обыденно. Наверное, я мог бы добиться любви, которой сам не желал, но не такой, которой желал, а раз так, то нечего и стенать, это обыкновенная житейская неудача. С подобными огорчениями сталкиваешься едва ли не каждый день, и, если уж на то пошло, из таких заурядных неприятностей жизнь в основном и состоит, и задним числом иногда понимаешь, что все закономерно и даже к лучшему.

Однако в свои тридцать лет я оказался у разбитого корыта, ни в чем, впрочем, не нуждаясь, – в обстоятельствах, которые у большинства моих сверстников скорее вызвали бы не жалость, но зависть: спокойная и приятная жизнь, денег сколько хочешь и в перспективе – солидное состояние. Правда, здоровье мое еще не поправилось, и у меня не было никакого полезного занятия. Близость города в такой ситуации шла мне скорее во вред, нежели во благо. Меня постоянно дразнил соблазн вместо длительных прогулок по сельской местности, настоятельно рекомендованных мне доктором, избрать куда более короткий маршрут и совершить променады по главной улице нашего городка, то есть всего-навсего перейти на другой берег реки и вернуться назад – сказать по совести, не прогулка, а одна ее видимость. Наедине с природой ты погружаешься в тишину и раздумья, порой не самые приятные, тогда как тут же, совсем рядом, можно без хлопот найти себе развлечение: поглазеть на повадки и причуды здешних провинциалов, послушать городские новости, иначе говоря, отдаться пустому времяпрепровождению, которое и составляет жизнь (вернее, жалкое ее подобие) празднующающегося бездельника. Мне все это претило, но вместе с тем я чувствовал, что сдаюсь, не находя в себе сил проявить твердость характера. В один прекрасный день местный священник и хозяин адвокатской конторы пригласили меня отужинать с ними. Еще немного, и я незаметно для себя влился бы в общество, какое ни есть, если бы имел к

тому малейшую склонность, и скоро оказался бы в закрытом коконе, как будто мне не тридцать лет от роду, а все пятьдесят и я вполне доволен своей участью.

Вероятно, моя собственная бездеятельность заставила меня спустя некоторое время с изумлением увидеть, сколь деятельную жизнь ведет мой отец. Он не скрывал своей радости по поводу моего возвращения, однако теперь, когда я делил с ним общий кров, мы почти не виделись. Он, как и прежде, едва ли не все время проводил у себя в библиотеке. Но, по привычке наведавшись к нему, я не мог не заметить разительной перемены: библиотека превратилась в подобие рабочего кабинета, если не сказать конторы. На столе громоздились какие-то гроссбухи, которым я не мог найти объяснения в его обычных занятиях, а кроме того, он вел обширнейшую переписку. Однажды мне даже показалось, что при моем появлении он поспешно захлопнул один из фолиантов, словно не хотел, чтобы я в него ненароком заглянул. (Смысл происшедшего стал понятен мне позже, тогда же это меня слегка удивило, и только.) Он больше чем когда-либо погрузился в какие-то важные дела. Время от времени он принимал у себя посетителей не самой располагающей наружности. В душе моей росло недоумение, и я терялся в догадках. Так продолжалось, пока я случайно не разговорился с Морфью, и тогда мое смутное беспокойство стало обретать более или менее определенные контуры. Разговор возник сам собой, безо всякого умысла с моей стороны. Как-то раз, когда я пожелал увидеть отца, Морфью сообщил мне, что хозяин чрезвычайно занят. Я, признаться, выслушал его ответ с неудовольствием.

– Сдается мне, отец нынче занят постоянно, – сгоряча обронил я.

На что Морфью с многозначительностью оракула несколько раз кивнул:

– Даже слишком занят, сэр, если мне позволено высказать свое мнение.

Я был так изумлен, что не удержался от вопроса.

– Что ты хочешь сказать? – осведомился я, не подумав, что выпытывать у слуги приватные сведения относительно обычаев моего отца так же дурно, как и проявлять излишнее любопытство к делам постороннего человека. Эта, казалось бы, очевидная истина в ту минуту не пришла мне в голову.

– Мистер Филип, – доверительно начал Морфью, – случилось то, что случается, к несчастью, слишком часто. На склоне лет хозяин стал очень переживать из-за денег.

– Раньше за ним такого не водилось.

– Прошу прощения, сэр, но такое водилось за ним и раньше. Только раньше он умел себя перебороть, хоть и нелегко было, вы уж простите, что я так говорю. Не знаю, как он теперь с собой справится, в его-то возрасте.

Слова старого дворецкого меня не столько встревожили, сколько рассердили.

– Ты, верно, сам не знаешь, что плетешь, – едва сдерживаясь, упрекнул я его. – Твое счастье, что за столько лет ты доказал свою преданность, иначе я не позволил бы тебе подобным образом отзываться об отце!

Старик смерил меня наполовину удивленным, наполовину надменным взглядом.

– Я при хозяине состою небось подольше, чем вы – у него в сыновьях, – сказал он и повернулся на каблуках к двери.

Его логика показалась мне столь комичной, что весь мой гнев как рукой сняло. Я вышел из дому – этот разговор застиг меня в ту минуту, когда я направлялся к выходу, – и совершил обычную краткую прогулку в город, в очередной раз потешив себя сим сомнительным развлечением. В тот день суетная праздность такого времяпрепровождения показалась как никогда очевидной. Я встретил с полдюжины местных знакомцев и выслушал столько же новых сплетен. Я от начала до конца измерил шагами главную улицу, сперва туда, потом обратно, и по дороге купил какую-то мелочь. После чего повернул к дому, презирая себя и в то же время не зная другого способа убить время. Больше ли добродетели было бы в том, чтобы отправиться в поход по сельским дорогам? Такая прогулка по крайней мере оказалась

бы полезной для здоровья, но не более того. Откровения Морфью не тяготили мой ум. В его словах я не видел никакого смысла и легко от них отмахнулся, запомнил только презабавную шутку о том, что он якобы ближе к сердцу принимает интересы своего хозяина, нежели я – интересы своего отца. Мне очень хотелось придумать, как бы так рассказать об этом отцу, чтобы у него не сложилось впечатления, будто Морфью отпустил по его адресу нелicenseприятное замечание, в то время как я стоял и слушал: было бы жаль не посмеяться вместе доброй шутке. Однако на подходе к дому произошло нечто, отчего упомянутый анекдот напрочь выскочил у меня из головы. Удивительное дело: стоит какому-то новому треволнению проникнуть в душу, как тут же вослед ему спешит другой сигнал и едва слышная поначалу тревожная нота вдруг начинает звучать в полную силу.

Я почти уже подошел к дому, гадая, застану ли по возвращении отца и найдется ли у него для меня минута досуга – я имел к нему небольшой разговор, – как вдруг заметил возле наших запертых ворот какую-то бедно одетую женщину. На руках у нее спал младенец. Стоял погожий весенний вечер, в полумраке тускло мерцали звезды, сглаживая очертания, приглушая краски, и женская фигура напоминала призрачную тень, которая бродила то туда, то сюда, от одной стойки ворот до другой. Завидев меня, женщина замерла на месте, словно в нерешительности, но потом, вероятно собрав всю свою смелость, оставила сомнения и двинулась мне навстречу.

Я смотрел на незнакомку с тайным предчувствием, что она сейчас заговорит со мной, хотя и не догадывался о чем. Она, словно бы еще колеблясь, но более не медля, приблизилась ко мне и, не дойдя двух шагов, присела в неловком поклоне, тихо спросив:

– Вы, должно быть, мистер Филип?

– Что вам угодно? – отозвался я.

И тогда она без дальнейших предисловий, что называется с места в карьер, разразилась долгой речью – слова лились из нее обильным потоком, как если бы они давно уже были наготове и только ждали, когда двери ее уст растворятся и выпустят их наружу.

– Ах, сэр, мне нужно поговорить с вами! Не могу поверить, чтоб вы были бессердечны, вы же так молоды, не может быть, что он не смягчится, коли за нас заступится его сын – его единственный, как я слыхала, сын! Ах, милостивый государь, конечно, вам, господам, все нипочем – не нравится в одной комнате, так можно перейти в другую, но если у вас только и есть одна эта комната, а все, что в ней было, у вас забрали, все до последней табуретки, и у вас ничегошеньки не осталось, кроме четырех голых стен, – ни колыбельки для младенца, ни стула для мужа, чтоб мог после работы прийти и сесть, ни захудалой кастрюли, чтоб сварить ему ужин...

– Полно, голубушка, – опешил я, – да кто ж это мог все у вас отобрать? Кто решился бы обойтись с вами столь жестоко?

– Жестоко, говорите? То-то! – вскричала она торжествуя. – О, я так и знала, что вы... что всякий истинный джентльмен, который не думает, как бы выжать последний грош из бедняка, будет такого мнения. А вот вы подите и скажите это хозяину, Христом Богом молю! Образумьте его, пусть поймет, что он творит. Как можно доводить несчастных до отчаяния! Да, скоро лето, хвала Господу, но по ночам еще лютый холод, когда окно-то без стекла! А каково горбатиться день-деньской и знать, что дома у тебя только одни голые стены, и даже плохонькую мебелишку, на которую всю жизнь по крохам собирал, и ту за долги всю вынесли, и ты, считай, вернулся к тому, с чего начал, только теперь еще того хуже – тогда-то у нас была хотя бы молодость... Ох, сэр! – уже в полный голос, готовый вот-вот сорваться в безудержные рыдания, воззвала ко мне женщина. Кое-как взяв себя в руки, она с мольбой добавила: – Заступитесь за нас! Он не откажет собственному сыну...

– Да перед кем же мне за вас заступиться? Кто ваш обидчик?

Женщина помедлила, взглянула испытующе мне прямо в лицо и вновь, слегка запнувшись, спросила: «Вы ведь мистер Филип?» – как будто это все объясняло.

– Все верно, я Филип Каннинг, – подтвердил я, – но какое я ко всему этому имею отношение? И с кем мне надлежит о вас говорить?

Она принялась жалобно всхлипывать и, глотая слезы, взмолилась:

– О, прошу вас, сэр! Мистер Каннинг, он тут хозяин всех домов, и двор наш ему принадлежит, и улица, и все, все здесь его! Это он выдернул из-под нас кровать, и колыбельку забрал, даром что Библия не велит отнимать у бедняка постель.

– Как, мой отец! – невольно вскричал я. – Уж, верно, не сам он, а кто-то другой от его имени. Уверю вас, что он о том не ведает. Не сомневайтесь: я тотчас же поговорю с ним.

– Храни вас Бог, сэр, – прочувствованно сказала женщина и, понизив голос, пробормотала: – Никакой это не другой, он самый и есть, который живет, беды не зная. Он это, он, хозяин господского дома! – Конец ее речи прозвучал еле слышно – слова явно не предназначались для моих ушей.

Все время, пока она изливала свои жалобы, в голове у меня мелькали обрывки моего разговора с Морфью. Что все это значит? Не здесь ли кроется объяснение отцовых нескончаемых часов в кабинете, неподъемных grossбухов и странных посетителей? Я узнал у женщины ее имя, дал ей немного денег, чтобы уже в этот вечер хоть как-то облегчить участь несчастной, и пошел в дом со смятенной душой и с камнем на сердце. Я отказывался поверить, что мой отец способен на такие поступки. При этом я знал, что он не терпит вмешательства в свои дела, и недоумевал, как навести его на нужный мне предмет. Оставалось только надеяться, что, когда я затею этот разговор, слова сами ко мне придут невесть откуда, как нередко случается в минуты отчаяния, даже если повод не столь значительный, чтобы простой смертный мог ожидать от себя чуда красноречия... Как повелось, я не видел отца до самого ужина. Я уже упомянул о том, что еда у нас в доме была отменная, изысканная в своей простоте, всегда все самое лучшее, отлично приготовленное и правильно поданное – совершенство без тени вычурности, то есть именно такое сочетание, которое дорого сердцу англичанина. Я не сказал ни слова, пока Морфью, строго следивший за тем, чтобы все было исполнено как подобает, не удалился из столовой, и только тогда, собравшись с духом, решился начать разговор:

– Нынче у ворот меня остановила весьма странная просительница – бедная женщина, как видно, одна из ваших съемщиц, сэр, с которой, судя по всему, ваш поверенный обошелся чересчур сурово.

– Мой поверенный? О ком ты? – невозмутимо спросил отец.

– Имя его мне неизвестно, но его компетентность весьма сомнительна. У несчастной, как она говорит, вынесли из дому все имущество – даже кровать, даже колыбель младенца!

– Вне всякого сомнения, она задержала ренту.

– Это более чем вероятно, сэр. С виду она очень бедна.

– Ты говоришь так, словно неуплата долга в порядке вещей, – промолвил отец, подняв на меня глаза, в которых мелькнула насмешка: кажется, мое замечание совершенно его не задело, а скорее позабавило. – Но ежели мужчина – или женщина, не важно, – берет в аренду дом, то, полагаю, само собой разумеется, что за него нужно платить ренту.

– Несомненно, сэр, – отвечал я, – когда есть чем платить.

– Подобная оговорка для меня неприемлема, – отрезал отец, но без гнева, вопреки моим опасениям.

– По моему мнению, – продолжал я, – ваш человек проявил излишнюю суровость. И это придает мне смелости высказать то, что в последнее время все больше меня занимает... – вот они, те самые слова, которые, как я надеялся, сами ко мне придут: они сорвались с языка под влиянием минуты, но произнес я их с большим чувством, словно был глубоко убежден

в их правоте, – а именно: я ничем не занят, мне совершенно некуда девать время. Сделайте меня своим доверенным лицом. Я сам во все вникну и позволю вам избежать подобных ошибок, к тому же у меня появится полезное занятие...

– Ошибок? На каком основании ты считаешь это ошибкой? – недовольно спросил он и, чуть помолчав, продолжил: – Да и странно слышать от тебя такое предложение, Фил. Понимаешь ли ты сам, что предлагаешь? Заделаться сборщиком ренты, ходить от порога к порогу, неделя за неделей, следить, чтобы вовремя починили то, отремонтировали другое, чтобы исправно работал водопровод и так далее, и тому подобное, да чтобы жильцы не задерживали плату – если начистоту, это самое главное, – и своими сказками про бедность не вынуждали идти у них на поводу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.